

К ВОПРОСУ О ДАТЕ ОСНОВАНИЯ СУДАКА

Самое раннее упоминание города Судак известно в т.н. Равеннском Анонимном Космографе. При перечислении прибрежных портовых пунктов Северного Причерноморья он упомянут в форме Sugdabon. Окончательное формирование текста Равеннского Космографа относится к IX в., хотя исследователи отмечают, что информация источника относительно Северного Причерноморья относится ко второй половине VII в.

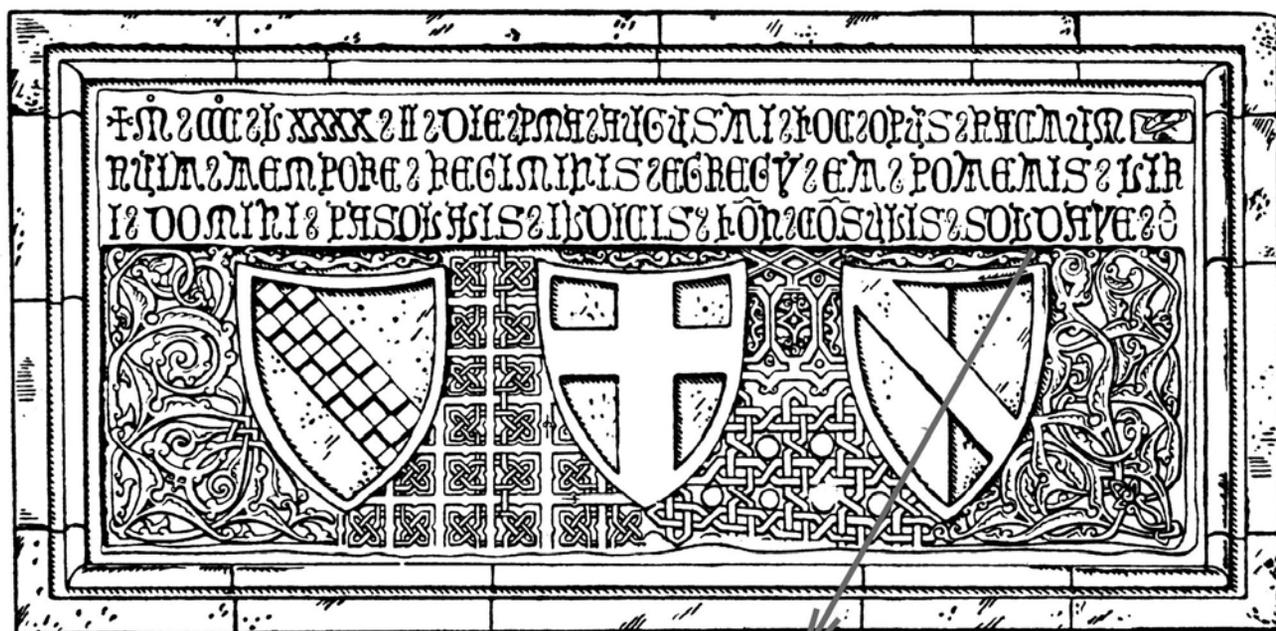
Следующим по времени источником, упоминающим город, является подпись епископа Сугдеи Стефана под актами иконопочитательского Второго Никейского собора второй половины VIII в. При этом, в данном случае название епископской кафедры в тексте воспроизведено в широко распространенной позднее греческой форме Сугдея.

В той же форме название Сугдея зафиксировано в росписи кафедр Константинопольского патриархата второй половины IX в. (Нотиция де Боора). Эта форма ойконима сохраняется неизменной во всех известных греческих источниках до XVI в.

С середины XI в. Сугдея греческих источников начинает часто упоминаться восточными авторами. Наиболее употребительной формой арабо и персоязычных источников была форма “Сугдак” (варианты Сугдаг, Согдак, Салдадия, причем последняя форма принадлежит магрибскому географу ал-Идриси, который свое сочинение писал при дворе сицилийского короля Рожера II и, очевидно, знакомого с данными о Северном Причерноморье от информантов западноевропейского происхождения).

Начиная с XIII в. с проникновением в бассейн Черного моря выходцев из Западной Европы в европейских источниках утвердилось традиционная итальянская форма Солдайя, которая, по всей вероятности, являлась фонетической калькой греческого названия города, записанной латинскими буквами “Солдайя”, что особо показательно для лигурийского диалекта (рис. 1).

Тюркские народные этимологии ойконима, зафиксированные со второй половины XVIII в., и бытующие до настоящего времени, конечно же, не состоятельны. Филипп Карлович Брун, предложил его иранскую эти-

SOLOVAE 1

ΠΟΛΙΣ ΣΟΥΓΔΑΙΑ 2

Рис. 1. Строительная плита 1392 г. с башни Паскуале Джудичи с латинским вариантом написания топонима «Солдайя» (1) и вариант греческого написания топонима «Солдайя» (2).

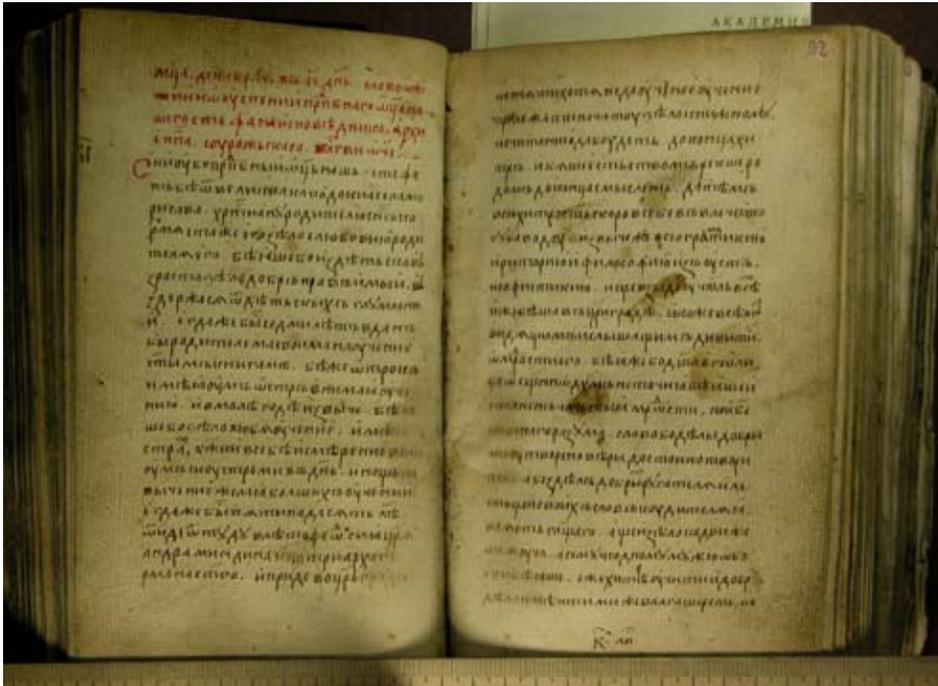

Рис. 2. Рукопись Жития Стефана Сурожского.

мологию от иранского корня Согда – (ритуально чистый, святой). В дальнейшем В.Г. Васильевский указал на упоминание осетинского аула Сугдака неизвестными грузинскими комментаторами 18 в. “Хождения Апостола Андрея”. Иранская этимология является единственно приемлемой, тем более, что точное совпадение греческого варианта ойконима (Sougdaiya) зафиксировано древнегреческими источниками. Именно так звучало имя одного из сыновей древнеперсидского царя Артаксеркса, рожденного от жены, происходившей из среднеазиатской Согдианы и, по всей видимости, означало согдиец. Конечный формат –ауа, –аіа был широко распространенным в западно-иранской (мидяне, персы) среде адъективным суффиксом, но для восточно-иранской (скифы, сарматы, согдийцы, хорезмийцы), менее характерен. По всей видимости, восточная форма названия города (Сугдак) фонетически более близка к оригиналу. В греческой же среде, где названия городов обязательно принимали форму женского рода, к оригинальной форме Сугдак было добавлено соответствующее окончание женского рода –аіа. Латинская же форма, следуя литературной традиции архаизации, фонетически скалькировала греческую, и в дальнейшем стала традиционной. Особенно с эпохи распространения географических карт – портоланов, на которых оригинальные названия портов 13-го века перекочевывали на листы карт, вплоть до конца 16-го.

О время возникновения Судака до 1863 г. можно было только гадать, хотя живописные развалины на берегу моря привлекали внимание путешественников и ученых на протяжении 17-го 18-го и первой половины 19-го века. Еще в конце 50-х гг. 19 в. в местной газете начальник стамбульского греческого Лицея Патрокл сообщил о обнаружении им в библиотеке православной

академии Святой Троицы на острове Халка (в Мраморном море, Принциевы острова) византийского кодекса с текстом Жития неизвестного греческого святого – Стефана епископа Сугдеи (рис. 2). Рукописью заинтересовался известный духовный деятель и первопроходец-византолог Архимандрит Антонин (Андрей Капустин) (рис. 3). В бытность его настоятелем русской посольской церкви в Стамбуле в 1861–1862 гг. он изучил источник, обнаружив на полях книги большое количество заметок 12–15 вв. упоминавших жителей Сугдеи, а так же некоторые исторические события, происходившие в этом городе. Листы с текстом Жития Стефана Сугдейского, оторванные и находившиеся в другом ме-

сте, Архимандриту Антонину остались недоступны, хотя в русскоязычной среде хорошо был известен текст древнерусского Жития Святого Стефана епископа Сурожского, изобилующий многими подробностями, и

Рис. 3. Архимандрит Антонин (Капустин).

имевший значение, как одно из самых ранних упоминаний русов в Северном Причерноморье.

Сам источник (Синаксарь) представляет собой рукопись литургического назначения, изготовленную во второй половине XI в. в одном из Константинопольских скрипториев. Это сборник кратких Житий святых, размещенных по дням церковного года, и предназначенных для чтения во время службы в храме. Судя тексту некоторых заметок на полях, кодекс находился долгое время в употреблении в одном из греческих монастырей Сугдеи, а именно монастыря Богородицы Скуториотиссы – шитодержательницы.

По причине каждодневного употребления на полях рукописи оказалось большое количество заметок, прежде всего некрологов, с именами жителей Сугдеи, очевидно предназначенных для чтения на церковной службе, поскольку большая часть их была похоронена на монастырской территории. К счастью среди заметок обнаружилось некоторое количество, содержащее заметки исторического характера (упоминания о закладке и возобновлении храмов, нападениях врагов, явлениях природы и других). На листе рукописи, относящемся к 29 февраля, была сделана следующая запись. “Построена крепость Сугдеи в 5720 г. и прошло от основания Сугдеи доныне, то есть до 6804 г. - 1084 года” (рис. 4). Таким образом, заметка была составлена в 1296 г. На полях того же листа рукописи эта заметка была продублирована еще дважды в 1345 и 1411 годах, причем в последнем случае была допущена арифметическая ошибка. Таким образом, запись 1296 года на полях Сугдейского или Сурожского синаксаря является единственным письменным свидетельством о возникновении города и крепости Сугдея 29 февраля 212 г. н.э.

Столь поздняя датировка данного источника с разрывом почти в 1100 лет естественно оставляет для современных исследователей много вопросов. Откуда монахи 13 в. мог получить сведения о времени основания родного города. Маловероятно, что в городе сохранялись какие-либо летописи. Судак не был известен как центр переписки книг и слишком

часто переживал завоевание врагами, которые, нередко приводили к уничтожению письменных памятников. Можно только предполагать, что он мог получить эти сведения из заметок на полях подобного же Кодекса. Очень сомнительно, что он мог увидеть подобную дату на монументальной надписи на камне, поскольку ему вряд ли были известны хронологические системы исчисления того периода – по годам правления римских императоров или т.н. Боспорской эре.

Единственной возможностью подтвердить или опровергнуть датировку являются археологические исследования городища средневековой Солдаи-Судака.

Сам комплекс городища древнего Судака, известного до сих пор как Судакская крепость, привлекал и привлекает внимание посетителей и исследователей, прежде всего, остатками оборонительных сооружений генуэзского периода, которые датируются второй половиной 14–15 вв.

Археологические исследования самого городища начались с середины 20-х гг. прошлого века и долгое время носили эпизодический характер. Планомерные ис-

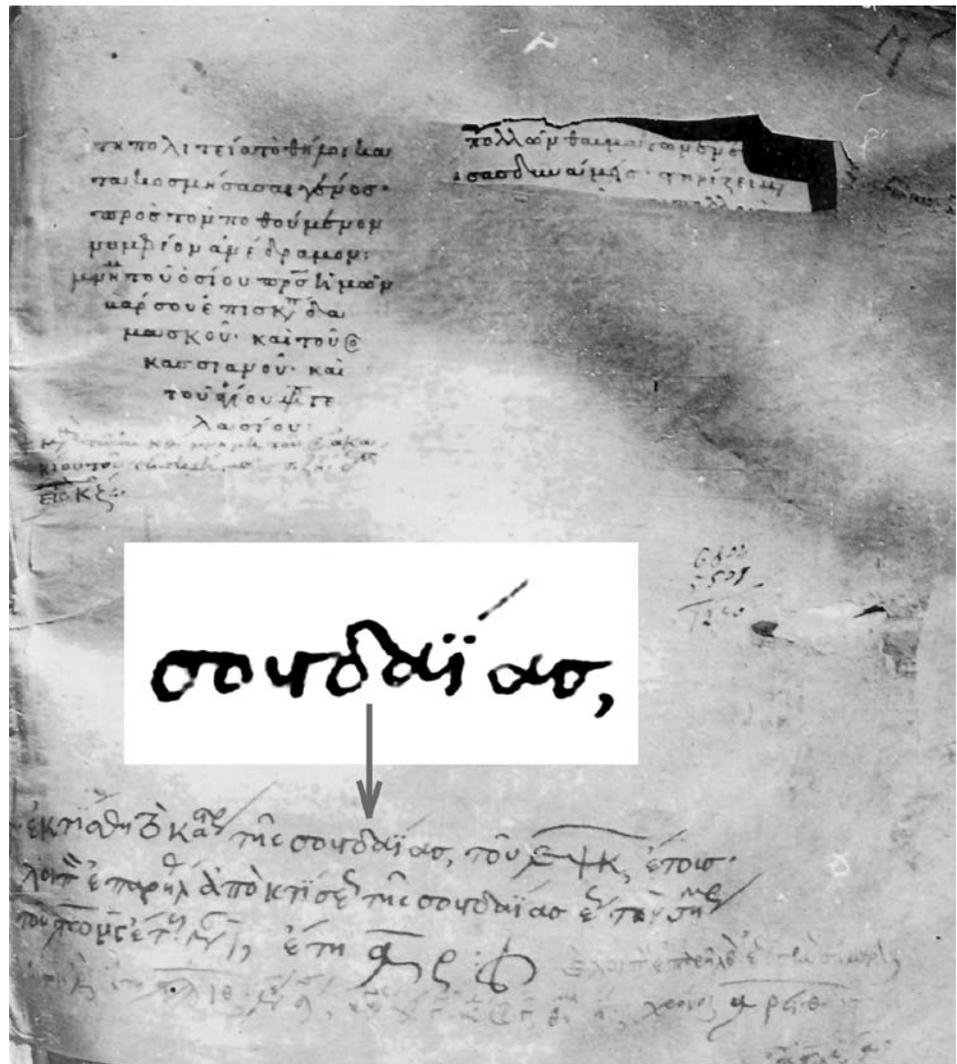

Рис. 4. Рукописная страница Сугдейского Синаксаря с пометками о дате основания города и вариант греческого написания в нем топонима «Солдайя».

следования начались только в 1965 г. М.А. Фронджуло и были продолжены в 1977 г. И.А. Барановым, а с 2002 г. ведутся экспедицией национального заповедника “София Киевская”.

В ходе исследований, как в портовой части городища, так и на северном склоне Крепостной горы были выявлены довольно внушительные остатки оборонительных сооружений городища наиболее раннего периода. К сожалению, при их исследовании практически не было зафиксировано культурного слоя, относящегося к периоду их строительства или функционирования. Наиболее ранние строительные остатки внутри крепостных стен можно отнести лишь ко второй половине VII – первой половине VIII вв.

В 1965–1970 годах в Портовой части городища Сугдеи М.А. Фронджуло было исследовано так называемое Приморское укрепление. Как выяснилось при анализе плана сохранившихся остатков стен постройки, она представляла собой мощную боевую башню внушительных размеров 15 с половиной на 15 метров. Декоративная облицовка внутренних фасов стен в елку хорошо представлена в римских имперских постройках самого раннего периода и перестает применяться в течении 6-го века нашей эры. Кордонная кладка стен внешнего панциря постройки характерна также для римских и ранне-византийских памятников, но не позднее 5-го века нашей эры. Датировать Судакскую башню по имеющимся в нашем распоряжении материалам довольно сложно. Культурные слои, которые можно было бы отнести ко времени строительства или функционирования, к сожалению, оказались практически стерильными. Несколько фрагментов амфор, гончарной и лепной керамики, удалось обнаружить в слое жёлтой глины, которая ровным слоем покрывала вымостку внутри башни, а значит его накопление относится ко времени когда сооружение уже не использовалось в качестве фортификационного объекта – второй половине 7-го – начале 8-го века.

Во время исследования оборонительных сооружений на северном склоне Крепостной горы в разные годы исследований были открыты субструкции подстилавшие фундаменты генуэзских и византийских стен, которые по строительной технике и материалу очень напоминают строительные приемы примененные при возведении Приморского укрепления. В кладке панцирей ранних крепостных стен на северном склоне горы прослеживаются элементы все той же кордонной техники кладки. Остатки ранних стен исследованы на четырех отрезках крепостного периметра: между башнями Коррадо Чигала и Лукини Фиески; к востоку от Полукруглой башни, в основании Малой цистерны и к западу от башни Якобо Торселло в районе городских ворот. Стена шириной 2,5 м сложена в технике двухпанцирной кладки с заполнением бутовым камнем. Панцири уложены в кордонной технике кладки на известковом растворе, забутовка – на глинисто-грязевом. За время исследований не открыто ни одной синхронной боевой башни, усилившей стену. Внутри крепостного полигона не удалось

открыть ни одной постройки ранее начала VIII в.

Датировать эти участки стен археологическим путём также не удалось. К сожалению культурные слои этого периода на северном склоне г. Крепостной зачастую скрыты под толщей почти десятиметровых отложений. По этому, однозначно ответить на интересующий нас вопрос можно только после археологических исследований.

Однако в ходе исследований в переотложенных слоях Судакского городища нередко встречались артефакты, датировка которых относилась к гораздо более раннему периоду, чем появление жилой застройки внутри крепостных стен во второй половине 7 – первой половине 8 вв.

В 1986 г. при раскопках к западу от Безымянной башни № 3 в слое, залегавшем на поверхности материкового сланца, в комплексе с лепной керамикой и наконечниками стрел был найден фрагмент мраморного грекоязычного декрета, в тексте которого дважды упомянут боспорский антропоним Фарнак (рис. 5, 1). По палеографическим особенностям надпись датирована концом II – началом III в. н. э. и отнесена ко времени правления боспорского царя Савромата II (174/5–210/0). Из Судака также происходит фрагмент античной надписи на тонкой мраморной плитке с остатками трех букв. Не следует забывать и о старой находке фрагмента посвящения Деметре III в. н. э., который был найден в кладке позднесредневековой церкви монастыря Св. Георгия на горе Манджил – Кая, вблизи Судака директором керченского музея древностей Владиславом Вячеславовичем Шкорпиллом.

Так же при пристальном изучении нумизматического материала, встречаемого на Судакском городище, выделяется целая группа монет позднеантичного периода. Прежде всего, это монеты Боспора. Серебряные статеры Рескупорида IV (242/3 – 276/7 г.), а так же медные фолы боспорских правителей более позднего периода, в частности Фофорса и Тейрана. В ходе исследований в 1993 г. в портовой части городища было обнаружено литое лицо Фавна, изначально служившее накладкой на шкатулку (рис. 5, 2). Датировать его можно достаточно широким периодом от эпохи позднеримской республики и всем императорским периодом. Среди находок на дне портовой бухты так же выделяется целая группа вещественных памятников, датируемых позднеантичным периодом. Десятки медных боспорских монет 3 – начала 4 вв. н.э., разновесы и гирьки, суммарно датируемые позднеримским и ранневизантийским периодом. Совокупность этих находок позволяет говорить о функционировании порта в районе Судакского городища по крайней мере с середины 3 по середину 4 вв. н.э.

В 2004 г. в лаборатории Научно Исследовательском Институте геохимии и рудообразования НАН Украины были проведены исследования на содержание радиоуглерода в известковом растворе из кладок ранней крепостной стены на северном склоне Крепостной горы и двух боевых башен в портовой части, ранее датировавшиеся по аналогиям не позднее V в. Результаты пре-

взошли все ожидания: самые ранние оборонительные сооружения Судакской крепости были датированы второй половиной III – началом IV вв.

Отсутствие мощного культурного слоя соответствующего периода внутри крепостных стен Судакской крепости соответствующего (раннего) периода не является удивительным для археологической ситуации на крымских памятниках, в частности в пещерных городах юго-западного и восточного Крыма, где он встречается иногда лишь в выбросах под склонами городищ или за пределами крепостных стен, как во рвах цитадели городища Киммерик. Еще одним объяснением отсутствия культурного слоя может служить тот факт, что при строительстве жилых домов в VIII – IX вв. носителями салтово-маяцкой культуры, предшествующие горизонты с целью нивелировки поверхности под строительство тщательно вычищались. Вполне возможно, что отсутствие культурного слоя было связано и с тем, что первоначальные оборонительные сооружения Судака функционировали непродолжительный период.

Однако если принять во внимание раннюю датировку оборонительных сооружений (3 в.н.э.), то объяснение следует искать на памятниках соответствующего периода в горной и предгорной части юго-восточного Крыма.

Еще в ранний период греческой колонизации Северное Причерноморье тяготело в экономическом и, конечно, политическом отношении к Боспорскому царству. К середине 4-го века до н.э. Феодосия, чья земледельческая округа простиралась к северу до устьев Салгира, вошла в состав Боспорского царства. В этот период горную и предгорную часть Крыма занимали племена Тавров, которые к 3 в. до н.э. были ассимилированы окружающей их позднескифской и греческой средой, а их самобытная материальная культура, в отличие от этнонима, прекратила существование.

В I в. до н.э. началась активная фаза проникновения сарматского населения на территорию Крыма, причем основная масса сарматов двигалась через территорию Боспора, где оставила яркий след в материальной культуре и антропологии. Именно к этому периоду в предгорной, горной и южнобережной части юго-восточного Крыма возникает большее, по сравнению со скифским периодом, количество поселений.

Одним из ярких примеров таких поселений является археологический памятник на западном склоне горы Таракташ, исследованный археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 2002–2008 гг. Еще несколько таких городищ ожидает своего исследования в ближайших окрестностях Судакской долины в районе сел Солнечная Долина и Междуречье. Эти памятники, просуществовавшие до первой половины 4 в. характерны топографическими особенностями. Они находятся на южных или юго-западных довольно крутых склонах скалистых хребтов, что позволяло наблюдать окрестности, и напоминают собой больше не поселения мирных земледельцев, а горные аулы Кавказа.

Памятники этого периода на северных склонах гор

малоисследованы, но известны благодаря разведочным работам. На большинстве из них вблизи поселений находятся земляные и каменные укрепления внутри которых не прослеживаются следы жилой застройки. Наиболее ярким примером такого укрепления-убежища является городище Яман-Таш на юго-западном склоне горы Агармыш. Впечатляют размеры каменных блоков из которых была составлена оборонительная ограда убежища. Основательное оборонительное сооружение вряд ли можно приписать жителям окрестного поселения. Импульсом для строительства столь мощных сооружений должна была быть политическая ситуация и значительное финансирование политического центра. Несомненно в строительстве крупных оборонительных сооружений была заинтересована Боспорская власть, которая, по всей видимости, и финансировало строительство возведенных оборонительных сооружений. В частности для строительства ранних оборонительных сооружений Судака строительный материал (песчаник четвертичного периода), которым были облицованы крепостные сооружения ранних крепостных стен Судакской крепости, доставлялся, по всей видимости, морем, от западного подножия горы Меганом (расстояние около 10 км от Судака). Места выработки камня, сохранились до наших дней. Столь масштабные по объему фортификационные мероприятия не могли осуществляться местным населением, благосостояние которого напрямую зависело от участия в военных мероприятиях политического центра, которым являлся Боспор.

Интересы Боспора простирались на территорию юго-восточного Крыма с I в. до н.э. К этому времени относится пребывание боспорского гарнизона в Кутлакской крепости (Афинеон?). На рубеже II – III в. н.э. большая часть центрального и горного Крыма вошла в состав Боспора. О присоединении “по договору” Сирахии, Скифии и Таврики свидетельствует танаисская надпись 193 г. и посвянительной надписи с упоминанием Савромата II, найденная в Паргенитах.

В 3 в. н.э. Боспорское царство переживает бурную эпоху, связанную с т.н. готскими походами. Население Юго-Восточной Таврики принимало участие в военных конфликтах Боспора с германцами и Херсонесом. Клады боспорских и римских монет III – первой половины IV в. н.э. из района Судака свидетельствуют об этом. Клад боспорских монет, найденный в Таракташе в 1908 г., показал, что поселение погибает в 30-х годах IV в. н.э. Этим временем датирована и краснолаковая посуда из таракташского святилища, а также керамика, найденная на месте обнаружения таракташского клада 1975 г., хранящаяся в фондах музея “Судакская крепость”. Это вполне согласуется с данными обширного экскурса в историю Таврики у Константина Багрянородного о войнах между Херсоном и Боспорским царством в правление Константина Великого. В свете этого источника боспорская ориентация населения Юго-Восточного Крыма в III – IV в. н.э. вполне определена. В начале IV в. западным Боспором – областью “Феодосия” правил наместник Аврелий Валерий Сог, третья часть его

имени является местным боспорским антропонимом, и вероятно иранского происхождения. Символично совпадение корня имени боспорского администратора с названием Сугдея, что указывает на этническую ситуацию в регионе в эпоху поздней античности.

В результате последней боспоро-херсонесской войны, произошедшей в начале 30-х гг. IV в., граница Боспорского царства переместилась на восток и прошла по Узунларскому валу и в районе города Киммерик на горе Опук. Часть побежденного боспорского войска была расселена на территории горной Таврики, перешедшей во владение Херсонеса. Какая-то часть населения задержалась на местах прежнего обитания, в горных приморских долинах Юго-Восточного Крыма. Но генетически она не была связана с предшествующими жителями, которые основывали новые поселения. В 1967 г. при раскопках укрепленного поселения на горе Куш–Кая был обнаружен керамический материал второй половины V – VI вв. К тому же времени относится укрепленное поселение в средней части Таракташского хребта, где в 2000 г. здесь был обнаружен денежно-вещевой клад середины V в., время сокрытия которого относится ко времени возвращения гуннских племен в Северное Причерноморье, после битвы на Каталаунских полях (451 г.) и смерти Аттилы. О пребывании гуннов на территории Судацкой крепости свидетельствует фрагмент гуннского бронзового котла (рис. 5, 3).

В свете всего вышеизложенного ранние укрепления

Рис. 5. Фрагмент мраморного декрета с упоминанием антропонима Фарнак (1), бронзовая личина начала III в. н.э. (2) и фрагмент гуннского котла с территории Судацкой крепости.

на территории Судацкой крепости возникают в III в. н.э., что очень близко соответствует дате, изложенной в письменном источнике. По всей видимости к 30-м гг. 4 в., в связи с удалением населения, укрепление перестает посещаться людьми и возрождение жизни на территории Боспорской крепости Сугдея относится уже к византийскому периоду, когда Судака становится одним из крупнейших городских центров средневекового Крыма.

Конечно же, более точные данные о времени возникновения Судака могут дать только дальнейшие археологические исследования наиболее перспективных участков Судацкого городища.

Abstract

A.V. DZHANOV, V.V. MAIKO, A.M. FARBEY

TO THE QUESTION ABOUT THE DATE OF SUDAK FOUNDATION

Basic sources in which Sugdeya is mentioned since the end of VII v. are in-process considered. Main attention is spared to history of discovery, study and publication of the unique writing source direct-coupled with history of Sugdeya – Suda Sinaksar. Analyzed its notes which telling about the legendary date of city foundation. Unique possibility to confirm or refute the dating there are archaeological researches of ancient settlement of medieval Sugdeya.

Fortification buildings, laying foundations of the Genoese and Byzantine buildings, which on a build technique and material very remind build receptions, used in the epoch of late antiquity, are shortly considered. The dating of these areas of fortification buildings by the archaeological way is not succeeded while. However during researches quite often were discovered artifacts, belong to time of legendary foundation of Sugdeya.